

Речка, впадающая в тихую заводь, сулит хороший улов всем любителям рыбалки

Сердце ухает вниз. Две тысячи километров, чтобы покататься на лодке вокруг острова. И я начинаю говорить — с самого начала, про многомесячные поиски информации в интернете, про неудачную попытку снять птиц во время качки, про мечту, про то, что нигде не написано, что высадка на остров запрещена... словарный запас, разумные аргументы тают под взглядом внимательных глаз Кюрры.

— Хорошо, — вдруг кивает он, а я не верю собственным ушам и своему счастью, — я вас отвезу. И мы пробуем высадиться на остров. Только ненадолго и в том месте, где птиц совсем немного.

— Сколько это будет стоить? — в легкой панике спрашиваю я, когда стихают наши первые восторги.

Я кликаю мышкой по знакомым файлам и вспоминаю соленый ветер, птичий гомон...

— А разве мечта имеет цену? — смеется Кюрра, с любопытством разглядывая наше замешательство.

А на следующий день налетел шторм. Ветер, дождь, волны... Кюрра лишь разводит руками — высадка на остров в такую погоду невозможна. Тают деньги, тают наши надежды. Проходит день, а за ним еще и еще. Подходит к концу и наш отпуск. И вот последний день нашего пребывания на островах — дождя нет, море спокойно.

Моторка прыгает по волнам, впереди виднеется птичий остров. Чайки, бакланы, стремительно летающие тупики с зажатой в клювах рыбой... и совершенно отвесные, отсыревшие зеленые скалы метра два высотой, за которыми чуть более пологий подъем еще метра на четыре. Раз — и Кюрра уже наверху, смеется, напевает под нос какой-то веселый мотивчик и насмешливо интересуется, как у нас обстоят дела со скалолазанием.

Страшно. Там, где Кюрра идет, я ползу, цепляясь чуть ли не зубами за выступы, стараясь думать лишь о том, что у меня хорошие горные ботинки, и прогоняя прочь мысли о том, что рано или поздно придется спускаться. А внизу плещется такая же чистая и прозрачная вода, совсем как на Кипре, только с температурой всего +8 градусов. И вот, наконец, мы стоим на вершине горы, мимо со свистом проносятся тупики, кричат чайки, кайры. Я в растерянности опускаю объектив... слишком быстро, мне не снять тупиков в полете. Рядом с упоением жмет на кнопку спуска мой спутник — ну да, у него зум, можно и прицелиться. Кюрра уводит моего друга за скалы, поснимать кайр. И только я, небо, полное птиц и несмолкаемого гомона... и норки рядом с ногами. Да-да, вы не ослышались, именно норки, тупики живут именно в них.

Чего стоят все водопады мира, вместе с орлами и лисами, когда вот он вылезает из норки в трех метрах от тебя, смешной и чумазый, щурится от яркого света и забавно вертит головой.

И замечает тебя лишь через пару секунд. Склоняет голову набок, словно спрашивает: «Ты же меня не обидишь?» А затем разбегается, перебирая оранжевыми лапками, и взлетает, растворяясь в нервном гаме птичьего острова.

Вот оно, первое знакомство с мечтой. Портрет тупика во весь кадр. Типичный для всех. Бесценный для меня. И не нужны уже все эти изыски в виде парящих слонов, и все эти антилопы, застывшие в полете при форсировании реки, меркнут, когда я кликаю мышкой по знакомым файлам и вспоминаю соленый ветер, птичий гомон и внимательный взгляд глаз, перечеркнутых грустными черточками, в которых так наивно, так по-детски читается немой вопрос. Ты же меня не обидишь?

Автор выражает свою благодарность Станиславу Бединскому, Мире и Рогеру Нильсен, а также Кюрре Бруну, без участия которых данная статья была бы невозможна.